

МИХАЙЛОВ В. С. — КАЛИНИНУ М. И.

МИХАЙЛОВ Василия Степанович, родился в 1868. Кадровый офицер русской императорской армии; в 1914 — на фронте в чине генерал-майора, в 1919 — мобилизован Колчаком, служил начальником Сибирского казачьего войска в Омске. 14 ноября 1919 — эвакуирован в Читу, в январе 1920 — прибыл во Владивосток, служил в разных городских учреждениях. 11 ноября 1930 — арестован, 7 января 1931 — освобожден, дело прекращено. Вернулся во Владивосток, продолжил работу заместителем главного бухгалтера в Дальгосторе. В ночь с 10 на 11 февраля 1932 — вновь арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Томск, в августе переведен в село Колпашево Томского края. В августе 1932 — обратился с заявлением к М. И. Калинин, председателю ВЦИК.

<3 августа 1932>

«Копия

«Председателю Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета М. И. Калинин

Административно ссыльного
Михайлова Василия Степановича

11 ноября 1930 г<ода> распоряжением ГПУ я был арестован на своей квартире в г<ороде> Владивостоке. После нескольких допросов меня препроводили в распоряжение Хабаровского П<олномочного> П<редставительства> ОГПУ, а оттуда через две недели я был передан в Новосибирское П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ.

7 янв<аря> 1931 г<ода> я был освобожден за прекращением дела с выдачей удостоверения за № 1127 и по бесплатному литеру от ГПУ возвращен к месту прежней службы в г<ород> Владивосток.

Это обстоятельство определенно подтвердило, что за мною нет ничего, что могло бы компрометировать меня в какой-либо мере. Оно явилось подтверждением тех логических выводов, что я, живя в г<ороде> Владивостоке, в 1922 г<оду> при приближении Красной Армии, не бежал за границу, потому что знал, что за мной не было и нет ничего, за что бы Советская власть могла бы преследовать меня.

Оставаясь на территории Советской власти, я считал себя обязанным быть совершенно лояльным и полезным работником государства. Настоящее мое заявление весьма определенно подтверждается прилагаемыми к сему отзывами Государственных учреждений, в которых моя работа за все время была на лучшем счету, и факт возвращения моего к месту прежней службы по бесплатному литеру от Новосибирского ПП ОГПУ по освобождению подтверждает все это вместе взятое.

Я предполагал, что в случае политического осложнения на Дальнем Востоке я буду арестован, как бывший офицер, и потому решил переселиться внутрь Союза, но необходимость срочно (к 6-му февр<аля>) закончить годовой отчет Дальпода, где я работал в должности зам<естителя> главн<ого> бухгалтера, и невозможность оставить аппарат в период напряженной его работы, задержало меня в г<ороде> Владивостоке, и это стало для меня таким несчастьем, о котором я никогда не подозревал. 10-го февраля мы сдали годовой отчет, и ночью того же числа я был арестован и сразу передан в тюрьму. Этот арест я не считал несчастьем, так как допускал, что буду арестован, как бывший

офицер, но я никак не думал, что меня будут в чем-либо обвинять. На допросе (единственном) 17.II. мне было предъявлено обвинение по ст<атье> 58 п<ункты> 13 и 10: служба в рядах белой армии и агитация против Советской власти. Я заявил, что по первому обвинению я не могу признать себя виновным, так как вопрос о моей службе в рядах белой армии был освещен в полной мере при первом моем аресте: я был призван Колчаком при мобилизации Сибирского казачьего войска. Приказом Войскового атамана назначен на должность начальника Войскового штаба названного войска — учреждения тылового; на фронте не был, в боях не участвовал, никогда ни в каких карательных экспедициях участия не принимал.

14.XI.1919 г<ода> я был эвакуирован в г<ород> Читу, куда прибыл числа 30.XII. а в двадцатых числах января 1920 г<ода> выехал через Харбин в г<ород> Владивосток, где в марте того же года служил в городской управе, а затем все время в Государственном Контроле до 26.XI.1922 г<ода>. У Семенова, Калмыкова и Дитерикса не служил. Если служба в рядах белой армии не была поставлена мне в вину при первом моем аресте, и я был освобожден за прекращением дела, то считаю, что обвинять меня в этом после того не было никаких оснований.

По второму обвинению также не считая себя виновным, я просил предъявить мне конкретное обвинение: где, когда и при ком я говорил против Советской власти, вел агитацию против нее; такого обвинения мне предъявлено не было. При окончании допроса я спросил следователя: "На что я могу рассчитывать". Следователь ответил: "Может быть, предложат вам выехать по вашему усмотрению, а может быть, укажут куда выехать, где вы будете служить и пользоваться всеми правами, которыми вы пользуетесь здесь". 18.II на мою квартиру явился из ГПУ посыльный с повесткой, вызывавшей меня в ГПУ; жена заявила, что я уже 8 суток нахожусь в тюрьме, и показала ему протокол обыска и ареста; он очень удивился. Первого марта вновь была получена повестка, опять вызываемая меня в ГПУ.

Эти два случая могут говорить за то, что при вызове в ГПУ мне действительно мог быть предложен свободный выезд из пределов Дальнего Востока. Так как оперативный отдел Владивостокского ГПУ знал меня по первому аресту и считал возможным отнестись ко мне в порядке индивидуального выселения. Меня же арестовывал и допрашивал один из следователей, приезжавших из Хабаровского ГПУ. 21.III моя жена была вызвана в ГПУ; ей предложили выехать 24.III в Томск, т<ак> к<ак> я высылаюсь на вольное жительство в г<ород> Томск на 3 года. Жена просила разрешить мне ехать с ней, вследствие моего болезненного состояния, которое значительно ухудшилось за время пребывания в тюрьме за отсутствием надлежащего лечения и потому, что она одна ехать не могла вследствие своего болезненного состояния и частых припадков сердца. 24.III она выехала в г<ород> Томск, будучи совершенно больной, а 27-го я был отправлен этапом.

В Томске в Центральном распределительном лагере мне объявили, что жена моя "обвинена" вместе со мною, поэтому должна находиться при мне, и мне выдали билет административно ссыльного с высылкою на три года с 10.II.1932 г<ода> в распоряжение Нарымского опер<ативно> сектора ГПУ в сел<ение> Колпашево; жена моя прописана в этом же билете. Приговора нам не читали, но при высылке из Владивостока в тюрьме мне было объявлено, что высылают на три года на вольное жительство в г<ород> Томск. Этим билетом — <нрзб.> с нами без всякой вины с нашей стороны мы с женою морально раздавлены, уничтожены, и это после десятилетней честной полезной работы Советскому государству! За что? Мою жену никто не арестовывал, не допрашивал,

никто и ни в чем ее не обвинял, и она “обвинена” вместе со мною! За то, что она моя жена. За это она должна нести иго ссылки? За что я превращен в преступника, ибо только преступников подвергают наказаниям, и должен владеть последние годы своей жизни в положении ссыльного, когда за все время пребывания на территории Советского Союза я был полезным работником, как в Гос<ударственных> учреждениях, так и по линии общественной работы; об этом говорят прилагаемые документы от Гос<ударственных> учреждений и видных партийных работников: Витола, Шитова — быв<шего> зав<едующего> Сов<етской> парт<ийной> школой и доцента университета Бродского.

Виновным я ни в чем не был.

На это я могу ответить и полагаю, что Вы не можете не согласиться со мною, что все это произошло в результате, с одной стороны, общего, а не индивидуального подхода ко мне при разрешении вопроса о выселении из пограничной полосы Дальнего Востока, а с другой, вследствие перегибов в работе органов местной власти, ибо Государственная Советская власть никому не мстит, наоборот, она требует внимательного и заботливого отношения к тем работникам, которые своей лояльностью и честным исполнением работы доказали, что они являются полезными работниками Советского государства. Ваше выступление на торжественном заседании Ком<мунистической> академии по поводу 10-летия Советской прокуратуры подтверждает сказанное выше в полной мере, где Вы заявили, что “наша прокуратура и судебные органы должны помнить эту задачу — социалистический строй исключительно бережет человека и расправляется или изолирует только тех, кто абсолютно вредит обществу, кто является непримиримым врагом, из которого не может получиться организованный сотоварищ по социалистическому строительству”.

Моя же работа была отмечена доверием таких Гос<ударственных> работников, как Гамарник и Витол, в данном от них мандата на мое имя.

На основании всего изложенного прошу не отказать в Вашем распоряжении об освобождении меня из места ссылки и предоставлении мне права свободного проживания на территории Советского Союза. Об этом заставляет меня обратиться к Вам состояние здоровья моей жены, а также и лично моего, о чем говорит копия медицинского свидетельства за №, вследствие чего и при нашем возрасте (мне 64 г<ода>, а жене 52 г<ода>) мы нуждаемся в лучших климатических, а также местных условиях жизни.

Приложения:

1. Мандат 25.IX.1923 г<ода> № 2055 от Гамарника и Витола.
2. Удостоверение от Прим<орского> губ<ернского> фин<ансового> отдела 27.X.1923 г<ода> № 586.
3. Удостоверение от Предс<едателя> губ<ернской> фин<ансовой> комис<сии>.
4. Рекомендация от Зав<едующего> Владив<остокского> Пром<ышленного> Экон<омического> Тех<никума> Шитова, 1928 года.
5. Удостоверение от Дальгосторга 29.XII.1929 г<ода>.
6. Удостоверение от Зав<едующего> Учебн<ой> частью Пром<ышленного> Э<кономического> Т<ехникума> Бродского, 1928 г<ода>.
7. Из Мед<ицинского> свидетельства за № 2731. Врач Эксп. Комис<сии>.
8. Удостоверение П<олномочного> П<редставительства> по Зап<адно>-Сиб<ирскому> краю ОГПУ от 7. I. 1931 г<ода> №1128.

<подпись>

В. Михайлов.

3 августа 1932 г<ода>.
Колпашево.

Адрес: г<ород> Колпашево Северного Округ<ного> района, контора
«Спецуправления»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 723. С. 28-30. Автограф.